

УДК 39:93/99(470.6)

ББК 63.5

Т - 49

Тлепцок Руслан Асланович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, т. 8(8772)530614

ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

(рецензирована)

Статья посвящена изучению особенностей эволюции сельской общины у горцев Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX в. Исследовательское внимание фиксируется на характере изменений произошедших в традиционной системе землевладений и землепользования населения, трансформационных процессов в общине, связанных с попытками инкорпорации региона в политическую и социально-экономическую системы Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный Кавказ, капитализм, пореформенный период, горцы, сельская община.

Tleptsok Ruslan Aslanovich, Candidate of History, associate professor of the Department of General History of the Historical Faculty, Adygh State University, tel.: (8772) 530614

EVOLUTION OF RURAL COMMUNITY OF HIGHLANDERS IN THE NORTHWEST CAUCASUS IN THE REFORMING PERIOD

(Reviewed)

The article studies the features of the evolution of rural communities of Highlanders of the Northwest Caucasus in the second half of the XIX century.

Keywords: Russian Empire, the North-West Caucasus, capitalism, reforming period, highlanders, rural communities.

Община как форма организации жизнедеятельности у горцев Северо-Западного Кавказа традиционно являлась основной общественной структурой, регулирующей вопросы внутреннего распорядка и землепользования, хозяйственную жизнь селения и

взаимоотношений ее членов. Общину составляли жители одного аула, независимо от сословной принадлежности того или иного лица. Прилегающие к аулу пастбища, леса, реки являлись собственностью общины, которая обсуждала все касающиеся ее дела, имела свои традиции, самоуправление и суд [1]. Согласно введенному в 1881 г. «Проекту положения об устройстве аульных обществ Кубанской области», внутренняя структура аульного общественного управления состояла из: аульного схода; аульного старшины; комиссии для раскладки и взимания подати и других сборах; смотрителя запасного хлебного магазина и аульного казначея [2].

Учитывая «подвижность» исторической среды XIX в. под влиянием внешних и внутренних факторов община горцев не могла не эволюционизировать. На фоне сохраняющихся пережитков патриархальных отношений развивались новые экономические и общественные связи. Родовая собственность вытеснялась индивидуальной собственностью отдельных семей, резко отличавшейся по количеству земли и скота. Если ранее общинная земля делилась поровну между всеми членами общины, то теперь все более широкий размах приобретали попытки захвата наиболее плодородной части земель зажиточными членами, стремящимися влиять на ход дележа земли на пай. В пореформенный период дворянская верхушка и сельская буржуазия сосредоточили в своих руках лучшие земли, владели огромным количеством скота и усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами, многолемешными плугами, сеялками, сноповязалками, косилками, веялками, молотилками, конными граблями. Многие бедные хозяйства не могли обработать свои наделные усадьбы из-за отсутствия тягловой силы и инвентаря. Их земли прибирали к рукам кулаки и зажиточные крестьяне.

Стремление сельской верхушки к присвоению наделных земель проявилось в постоянном удлинении сроков переделов. Если в 60-х гг. переделы были ежегодными, то постепенно они стали производиться через три, через пять, а к концу XIX в. – через девять лет и реже. Имущественное и социальное расслоение, значительное уже к середине XIX в., когда в руках феодальной верхушки сосредоточились огромные земельные владения и тысячные стада скота, еще более усилилось в пореформенный период, когда появилась новая верхушка, состоявшая из зажиточных жителей и сельской администрации. В руки этой «верхушки» переходили постепенно земли многих феодальных владельцев, не сумевших приспособиться к новым методам

хозяйствования, а также крестьянские земли за счет экспроприации общинных угодий, бегенды и других форм заклада земли обедневшими общинниками.

Сохранив некоторые патриархально-родовые пережитки горской общины, правительство стремилось не волновать лишний раз умы горцев, но постепенно и последовательно начинает наступать на общинные земли. На бывшие аульные владения селились отставные лица царской армии; когда до наказного атамана Кубанского казачьего войска дошли слухи, что «некоторые отставные чины, предназначенные для водворения на бывших аульных землях, сдают в аренду эти земли и возвращаются на прежнее место жительства» [3], тот издал указ, по которому «лица», не вернувшиеся на полученные земли в течение одного года, лишаются этих земель, и на них водворяются новые лица [4]. Из указа, следовало, что «так как отведенные земли даются в общинное пользование, а не в собственность каждой семье, поэтому нельзя сдавать в аренду земли в бывших аульных юртах в другие руки» [5].

Тяжелым бременем для простых общинников являлись натуральные повинности, заключающиеся в обязанности строить дороги, мосты, ремонтировать общественные здания. Особенно тяжелой была дорожная повинность, так как в горных условиях, когда дороги прокладывались в скальном грунте, это требовало очень большого количества рабочих рук, выделяемых аулом. Нередко бедным общинникам приходилось посылать единственного кормильца на общественные работы, отрывая его от собственных хозяйственных дел, в то время как, состоятельные жители находили способы освободиться, в крайнем случае, откупиться от несения повинности. За малейшую провинность горцев строго наказывали, выселяли из родных мест, облагали штрафами. Штраф раскладывали обычно на все дома аула поровну, поэтому страдали от них больше всего бедняки. Если же на аульской земле было совершено убийство, то все жители несли тяжелую кару [6].

Стали проявляться признаки капитализации поземельных отношений, в частности, жители некоторых аулов часть земли стали сдавать в аренду жителям других аулов, а полученный доход от аренды, делили посемейно. Продавать общественный участок аульное правление запрещало членам общины, но некоторые из них могли сдавать свой пай в аренду другим лицам, чем и воспользовались зажиточные члены общины. Одной из существенных особенностей горской сельской

общины пореформенного периода, которая способствовала ее внутреннему расслоению, являлась частая сдача в аренду отдельных участков земли. Аренда явилась следствием влияния на горский аул развития товарно-денежных отношений, с проникновением которых в местную среду усилилась классовая дифференциация, углубилось имущественное неравенство. Начинается процесс формирования новых классов: сельская буржуазия и беднейшее крестьянство. К концу XIX в. около 40% земель Кубанской области сдавалось в аренду. В Майкопском отделе 1840 хозяйств (в том числе общинников – более 1,7 тыс., а землевладельцев – 53) в 1917 г. сдали в аренду более 13,2 тыс. дес. земли (в том числе общинниками – 10,8 тыс. и землевладельцами – более 2,5 тыс. дес.). В еще больших масштабах арендные отношения были развиты в аулах Екатеринодарского отдела. В 1917 г. жители отдела сдали в аренду более 49,5 тыс. дес [7] .

Способствовали развитию арендных отношений и несогласованности в землевладении, главным образом у горцев. При переселении с гор на равнину, выданные им впоследствии земельные участки, в качестве компенсации за менее удобные земли, зачастую располагались в отдалении и не способствовали их интенсивной эксплуатации. Так, на территории сегодняшнего Теучежского района Республики Адыгея решение земельного вопроса носило весьма запутанный характер, благодаря одному обстоятельству. Некоторые малоземельные аулы района по решению властей были наделены дополнительными земельными участками, но чересполосно и на дальнем расстоянии от самих аулов. В результате, эти дополнительные наделы черкесские общества вынуждены были сдавать в аренду пришедшим русским земледельцам, поселявшимся на них хуторами, а сами общества, в свою очередь, за счет получаемой арендной платы, заарендовывали земли смежных аулов, более обеспеченных землей. После революции арендаторы дополнительных участков стали считать себя хозяевами и перестали платить черкесам аренду.

Анализ условий аренды земли на Северо-Западном Кавказе свидетельствует, что они определялись правительственными постановлениями, строго регламентировались и контролировались местной администрацией. Затруднительными были условия аренды для горского населения, почти сплошь неграмотного. Объявления о торгах, сами торги и все делопроизводство велось на русском языке. Именно на этот факт обращает внимание Сафербий Сиюхов подчеркивая, что «... трудовая

земледельческая часть населения горцев замкнулась в свою раковину, настойчиво игнорировала русский язык, русские обычаи и русские нравы. Стараясь по возможности меньше вообще обращаться с русским населением...» [8].

Необходимо отметить влияние на эволюцию общины миграционных процессов, связанных с переселением усиленными темпами на Кубань крестьян из Центральной России в пореформенный период. Причины этого явления связаны с разложением крестьянства, в результате которого крестьяне теряли землю в центральных регионах, концентрирующуюся в руках зажиточных односельчан-кулаков, создавая тем самым аграрное перенаселение, то есть наличие в стране огромной армии крестьян, лишенных земли. В результате разорение крестьян, как следствие развития капитализма, обусловило переселению на земельные окраины [9]. Крестьянская колонизация региона оказала влияние на местное население, результатом которого стало усиление контактов в сфере материальной и духовной культуры.

Своеобразие процесса заселения Северо-Западного Кавказа заключалось в том, что сословная замкнутость казачьего землевладения затрудняла заселение края крестьянами с правом на земельный надел. Только незначительная часть крестьян-переселенцев осела на казенных землях, образовавшиеся в Закубанье после массового выселения горцев за границу [10]. Крестьяне – переселенцы оседали в регионе на положении «иностранцев». Зачисленные в казаки они жили в станицах и аулах в качестве рабочих или занимались хозяйством, арендуя землю, располагая усадьбой оседлостью. В 1873 г. число иностранцев в Кубанской области насчитывало 112 тыс. человек или 15% всего населения. О темпах их прироста свидетельствует тот факт, что в 1897 г. их количество составило 989616 человек (51,9% всего населения). В конце XIX в. в аулах Екатеринодарского и Майкопского отделов их проживало 17561 человек или 41% населения аулов (41870) [11].

Изменения в социальных отношениях в горском ауле имели существенные отличия по сравнению с районами с русским населением. Эти особенности заключались в том, что у горцев имущественное неравенство к концу XIX в., не смотря на все предпосылки, не развилось еще до вполне сложившихся капиталистических отношений. Процесс образования сельской буржуазии и других классов буржуазного общества еще только проходил начальные этапы. Развитие капиталистических отношений сдерживалось сильными феодально-патриархальными

пережитками. В горских общинах пореформенного периода пережитки феодальных и дофеодальных отношений были значительно сильнее, чем в казачьих, и тем более в крестьянских.

К концу XIX в., в связи с развитием торгового земледелия и скотоводства в горских аулах возрастает роль внутренней торговли, значительная часть горских крестьян, под воздействием внешних обстоятельств, переходит к разведению скота и сельскохозяйственных культур для рынка. С развитием торгового земледелия и усилением тяжести налогов в горских аулах начинает развиваться ростовщичество. Как правило, все торговцы мелочным, бакалейным и мануфактурным товаром являлись одновременно и скупщиками хлеба. Относительно замкнутое положение горской общины в пореформенный период ставило мелких производителей в тяжелое положение, отдавая их во власть ростовщика, торговца, скупщика, крупного предпринимателя. «Ростовщичество в аулах развито в самых ужасных размерах, едва ли существующих где-либо, - свидетельствовал участковый Екатеринодарского отдела в 1898 г. в своем рапорте на имя начальника Кубанской области, - Самым обыкновенным годовым процентом на 10 руб. считается 3-4 руб. Следовательно, годовой процент составляет 30-40 %, и эти проценты в большинстве случаев удерживаются кредиторами при выдаче денег. Таким образом, 40 руб. получают не со 100 руб., а с 60 руб.» [12] .

Процесс развития торгового земледелия в горском ауле был неизбежно связан и с постепенным расслоением крестьянства. Большинство крестьян из года в год разорялось и превращалось в бедняков; выделялся немногочисленный слой кулаков, стремившихся сосредоточить в своих руках крестьянские земли и основные средства производства и использовать общинные земли для крупного скотоводства. Горская феодальная знать в результате земельной реформы получила значительную часть земель, но вследствие развития купли-продажи, более половины феодалов к концу XIX в. лишилось своих земельных участков, продав их. Эти земли покупала зажиточная часть крестьянства, из которой формировалась сельская буржуазия (кулачество).

Проанализированные факторы вызвали значительные перемены в социальных отношениях у горских народов региона. Эксплуататорской верхушке принадлежало к 1917 г. 35% всех посевов, 40% скота, 70% овец и 90% табачных плантаций [13]. При

этом помещики нередко использовали старые формы хозяйствования, что приводило зачастую к неэффективности и нерентабельности торгового земледелия, главной отрасли экономики горского аула пореформенного периода. Часть помещиков, под влиянием рыночных отношений, сумела приспособиться к новым условиям жизни и постепенно «обуржуазилась». Большинство же путем экономического принуждения использовали полуфеодалные методы эксплуатации широких масс горского населения. Из-за слабого развития капитализма в области, неразвитости промышленности и узости рынка они, не находили применения на месте. Большинство функций общины перешло к начальнику округа, к его помощникам, писарю, казначею, общественным доверенным, сельским судьям.

Таким образом, эволюция сельской общины горцев Северо-Западного Кавказа проявилась главным образом в характере изменений произошедших в традиционной системе землевладения и землепользования. Капитализация отношений проявилась в социальной дифференциации в среде крестьянства, складывании полярных классов – феодально-помещичьей верхушки, с одной стороны, и сельской крестьянской бедноты, с другой. Создавалась ситуация, при которой обострялись противоречия между помещичье-кулацкими верхами и бедными слоями крестьянства. Анализ внутреннего расслоения горской общины в пореформенный период свидетельствует, что темпы этого процесса были не у всех горских народов равномерны. Наиболее интенсивными темпы расслоения сельской общины были у тех горских народов, которые имели наименее замкнутый характер экономики, занимались торговым земледелием и скотоводством, то есть постепенно вовлекались в единый внутрироссийский рынок.

Литература

1. ВНЛ. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 8-9.
2. Памятная книжка Кубанской области. 1881. Екатеринодар, 1881. С. 78.
3. Национальный Архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 157. Л. 118.
4. Там же. Л. 118.

5. Там же. Л.119 ; НАРА.Ф.21.Оп.1.Д.157.Л.119.
6. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов н/Д, 1990. С.86-87.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.234. Оп.18.Л.18-19.
8. Сиюхов Сафербий – адыгский просветитель. Майкоп,1991. С.165.
9. Ленин В.И. Развитие капитализма в России / / Полн. собр. соч. Т. 3. С.24-25, 232-235,558-581 ; НАРА. Ф.21.Оп.1.Д.70. Л.1-4.
10. Громов В.П. Формирование русского населения Адыгеи в XIX в. // Черкесия в XIX веке: (материалы 1 Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С.177.
11. Джимов Б.М. Социально–экономическое положение и классовая борьба трудящихся Адыгеи в пореформенное время (1869-1900) // Ученые записки Адыг. НИИ. Майкоп, 1974. С.179-188.
12. ГАКК.Ф.454.Оп.2.Д.5.Л.57-69.
13. НАРА.Ф.21.Оп.1.Д.120.Л.10, Ф.21.Д.157. Л.6-8.